

ЖАКЛИН

УИНСПИР

Жаклин Уинспир – лауреат самых престижных премий детективного жанра, от «Агаты» до «Макавити». Мировую славу ей принесла серия романов о приключениях гениального частного детектива Мейси Доббс, книги о которой неоднократно возглавляли список бестселлеров «Нью-Йорк таймс».

ЖАКЛИН

УИНСПИР

.....

ПРОСТИТЕЛЬНАЯ
ЛОЖЬ

.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
УЗ7

Серия «Золотой век английского детектива»

Jacqueline Winspear
PARDONABLE LIES

Перевод с английского *И. Метлицкой*

Компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств The Amy Rennert Agency, Inc.
и Jenny Meyer Literary Agency, Inc.

Уинспир, Жаклин.

УЗ7 Простительная ложь : [роман] / Жаклин Уинспир; [пер. с англ. И. Метлицкой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 352 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-102221-1

Покойная леди Агнес Лоутон так и не смогла поверить, что ее сын Ральф, военный летчик, погиб на полях Первой мировой. И теперь ее муж, которому необходимо выполнить последнюю волю жены, просит Мейси отправиться во Францию и найти доказательства смерти Ральфа.

Мейси начинает расследование и оказывается в запутанном лабиринте опасных тайн прошлого...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Jacqueline Winspear, 2005
Школа перевода В. Баканова, 2016
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-102221-1

*Посвящается Энн-Мари
с любовью и благодарностью
за дружбу длиною в жизнь*

Часть первая

Лондон

Сентябрь 1930 года

Глава 1

Молодая женщина-полицейский стояла в углу комнаты. Голые, выбеленные известкой стены, тяжелая дверь, деревянный стол с двумя стульями и окошко с замерзшим стеклом подчеркивали казенный вид помещения. День выдался холодный, и Чалмерс не покидала своего места с тех пор, как заступила на дежурство два часа назад. В той же комнате лицом к стене ссутулилась на стуле совсем юная девушка, растрепанная и чумазая. В кабинет входили другие полицейские, присаживались на второй стул: сначала инспектор Ричард Стрэттон в сопровождении сержанта Колдуэлла, потом Стрэттон стоял, пока доктор из психиатрической клиники Модсли пытался побеседовать с девушкой. Возраста и происхождения задержанной никто не знал — с самого утра, когда ее, грязную, в окровавленном платье, привели в участок, она не проронила ни слова. Теперь ждали еще одного человека: мисс Мейси Доббс. Чалмерс слышала о Мейси Доббс, но сильно сомневалась, что той удастся разговорить маленькую потаскушку.

Из-за двери донеслись голоса: Стрэттона, Колдуэлла, а затем еще один, ровный и спокой-

ный. Подобный голос даже не требовалось повышать — все его слышали и слушали.

Дверь распахнулась, и вошел Стрэттон в сопровождении дамы, по-видимому, Мейси Доббс. Она выглядела совсем не так, как ожидала Чалмерс: похоже, голос почти не давал представления о своей владелице, разве что казался глубже, чем на самом деле.

Посетительница в скромном бордовом костюме и черных туфлях опустила на пол потертый черный портфель и улыбнулась полицейским. Чалмерс едва сдержала дрожь под уверенным оценивающим взглядом темно-синих глаз Мейси Доббс, психолога и детектива.

— Рада с вами познакомиться, мисс Чалмерс, — сказала Мейси, хотя никто не представил их друг другу. Теплая фамильярность ее приветствия смутила дежурную. — Брр, ну и холодно же здесь! — добавила детектив, поворачиваясь к Стрэттону. — Инспектор, нельзя ли принести керосиновую печку, чтобы растопить, так сказать, лед?

В ответ на необычную просьбу Стрэттон поднял бровь и слегка наклонил голову. Ошарашенный вид начальника позабавил Чалмерс, и она едва не рассмеялась. Девушка на стуле исподлобья взглянула на Мейси, повинуясь ее голосу.

— Отлично! Спасибо, инспектор. Да, наверное, стул для мисс Чалмерс тоже будет не лишним.

Сняв перчатки, Мейси положила их на свой портфель, затем пододвинула стул так, чтобы сесть рядом с девушкой, а не через стол напротив.

«Странно», — подумала Чалмерс. Тем временем констебль принес еще один стул, затем печку и поставил ее возле стены. Полицейские украдкой переглянулись и пожалы плечами.

— Спасибо, — улыбнулась Мейси, дав понять,

8 что заметила безмолвный обмен знаками.

Мисс Доббс молча сидела рядом с девушкой. Она молчала довольно долго, и Чалмерс вновь задалась вопросом, зачем ее вообще пригласили, но вдруг Мейси медленно поменяла позу и закрыла глаза. Казалось, она обратилась к задержанной, не размыкая губ, и та послушно придвинулась ближе. «Господи, да она же сейчас заговорит!» — мелькнуло в мозгу Чалмерс.

— Я согрелась.

Голос звучал округло и явно принадлежал уроженке юго-запада Англии. Девушка говорила неторопливо, с раскатистым «р», и закончила фразу кивком. Похоже, деревенская. «Да, точно из деревни», — решила Чалмерс.

Мейси Доббс ничего не сказала, открыла глаза и улыбнулась, но не губами. Улыбались только глаза. Затем она легко коснулась девушки, взяла ее руку. Девушка расплакалась, но, как отметила Чалмерс, мисс Доббс не стала обнимать ее за плечи, успокаивать или, воспользовавшись моментом, продолжать допрос, что наверняка сделали бы Стрэттон с Колдуэллом. Нет, молодая женщина просто сидела, кивая, словно никуда не торопилась. А потом вновь удивила дежурную, попросив:

— Мисс Чалмерс, будьте так добры, попросите принести таз горячей воды, мыло, пару фланелевых салфеток и полотенце.

Чалмерс кивнула и пошла к двери. «Да, будет о чем поболтать с девчонками! Вот они похихикают над этим представлением!»

Констебль принес горячую воду, мыло, салфетки и полотенце. Мейси сняла жакет, повесила на спинку стула и закатала рукава шелковой блузки кремового цвета. Смочила салфетку, намылила, слегка отжала и тронула подбородок задержанной, чтобы приподнять ее лицо. Потом улыбнулась, глядя в опухшие, налитые кровью глаза, и начала умывать девушку. Мей-

си снова и снова ополаскивала салфетку, водила горячей тканью по вискам и лбу. Сначала она вымыла левую руку девушки — прошла влажной фланелью от левой ладони до локтя, — затем принялась за правую. Девушка вздрогнула, но Мейси, словно не заметив движения, продолжала тереть ее руку салфеткой.

Только когда мисс Доббс опустилась на колени, чтобы вымыть грязные босые ноги девушки второй салфеткой, Чалмерс поняла, что зачарованно следит за разворачивающейся перед ее глазами сценой. «Как будто в церкви».

Девушка снова заговорила:

— У вас мягкие руки, мисс.

Мейси Доббс улыбнулась:

— Спасибо. Много лет назад, во время войны, я была сестрой милосердия. Солдаты тоже говорили, что у меня мягкие руки.

Девушка кивнула.

— Как тебя зовут?

— Авриль Джарвис, — с готовностью ответила задержанная, которой за все двенадцать часов, что она провела в этой комнате, никто и чашки чаю не предложил.

— Откуда ты?

— Из Таунтона, мисс, — всхлипнула девушка.

Мейси Доббс достала из сумочки полотняный носовой платок и положила на стол. Чалмерс все ждала, что Мейси вытащит листок бумаги и запишет показания, но та просто расспрашивала девушку, вытирая ее ноги полотенцем.

— Сколько тебе лет, Авриль?

— В следующем апреле будет четырнадцать.

Мейси Доббс улыбнулась.

— А почему ты в Лондоне, а не в Таунтоне?

Авриль Джарвис разрыдалась. Мейси сложила полотенце и снова присела рядом. Девочка

почти целый час отвечала на остальные вопросы, после чего Мейси сказала, что на сегодня хватит. Она добавила, что об Авриль позаботятся, а завтра они вновь вернуться к этому разговору, только уже с инспектором Стрэттоном.

— Хорошо, мисс, если вы будете со мной, — кивнула Авриль Джарвис.

Это заявление девочки добавило подробностей к истории, которую Чалмерс собралась поведать своим коллегам, делившим с ней жилье над полицейским участком на Вайн-стрит.

— Конечно, буду, Авриль, не волнуйся. А теперь отдыхай.

Глава 2

После совещания с Колдуэллом и Стрэттоном Мейси вернулась к себе в контору на Фицрой-сквер, куда ее доставил водитель Стрэттона. Он же должен был захватить за ней следующим утром и отвезти на очередной допрос Авриль Джарвис. Мейси знала, что многое зависит от его результатов, например то, проведет ли Авриль оставшуюся жизнь за решеткой.

— Что-то долго вы, мисс, — заметил Билли Бил, помощник Мейси, взъерошив пальцами выгоревшие волосы.

Он взял у Мейси пальто и повесил на крючок за дверь.

— Да, пришлось задержаться, Билли. У бедняжки нет никаких шансов. Кстати, вряд ли полицейские сейчас изучают ее биографию с надлежащей тщательностью, а мне нужны подробности, даже самые неприглядные. Хочу подготовиться, вдруг потребуют дать показания под присягой. — Мейси сня-

ла шляпку и положила на угол стола, сунула перчатки в верхний ящик. — Вот что я думаю, Билли. Может, вы с Дорин съездите на выходные в Таунтон? Все расходы оплачены.

— Вроде как в отпуск, мисс?

— Вообще-то не совсем. Я хочу, чтобы вы побольше разузнали об Авриль Джарвис, с которой я беседовала утром. Она утверждает, что приехала из Таунтона, и у меня нет оснований ей не верить. Выясните, кто ее родственники, какой она была в детстве, где жила и училась или, может, работала, когда и зачем уехала в Лондон. Вряд ли девочка знала, что окажется на панели. — Мейси покачала головой. — Господи, ей же нет и четырнадцати! Ужасно!

— Она попала в беду, мисс?

— Еще какую! Ей вот-вот предъявят обвинение в убийстве.

— Бог мой! И ей всего тринадцать?

— Да. Так вы поедете?

Билли поджал губы.

— Ну, не сказать чтобы мы с Дорин часто отдыхали вдвоем. Она не любит оставлять детишек, но, думаю, моя мамаша за ними присмотрит.

Мейси кивнула, достала новую картонную папку, нацарапала на ней «Авриль Джарвис» и вручила Билли вместе со стопкой карточек с заметками, которые сделала, пока ждала Стрэттона и Колдуэлла.

— Отлично. Сообщите, когда сможете выехать. Я дам вам денег на поезд, гостиницу и непредвиденные расходы. А теперь давайте-ка к делу, а то мне сегодня нужно уйти пораньше.

Билли взял папку и сел за стол.

— Точно, у вас же встреча со старинной подругой, миссис Партридж.

Мейси раскрыла гроссбук и ответила, не поднимая глаз:

— Да, Партридж она по мужу. Когда мы учились в Гертон-колледже, я знала ее как Присциллу Эвернден. После двух семестров, в тысяча девятьсот пятнадцатом, вступила в Корпус медсестер первой помощи и стала водителем санитарной машины во Франции. — Мейси вздохнула и посмотрела на Билли. — После войны ей было слишком тяжело в Англии. Все три ее брата погибли, а родители умерли от инфлюэнцы, вот Присцилла и уехала жить во Францию, на Атлантическое побережье. Там она и встретила Дугласа Партриджа.

— Кажется, я где-то слышал это имя, — задумчиво произнес Билли, постучав карандашом по голове.

— Дуглас — известный писатель и поэт. Был тяжело ранен, потерял руку. Его опубликованные стихи о войне получили противоречивые оценки, но он нашел в себе силы продолжать работу, хотя пишет чересчур мрачно, если вы понимаете, о чем я.

— Не совсем, мисс. Я слышал о нем, но, честно говоря, поэзия не мой конек.

Мейси улыбнулась.

— У Присциллы трое сыновей. Она называет их «лягушатами» и говорит, что они очень похожи на ее братьев — так и норовят напраказничать. Присцилла приехала в Лондон, чтобы подыскать им школу на будущий год. Они с Дугласом решили, что мальчики растут и им нужно британское образование.

Билли покачал головой.

— Я бы со своими ребяташками ни в жизнь не расстался. Ох, простите, мисс, — спохватился он и прикрыл рот ладонью, вспомнив, что, когда мать Мейси умерла, Фрэнки Доббс устроил дочь горничной к лорду Джулиану Комптону и его жене. В то время Мейси едва исполнилось тринадцать.

Мисс Доббс пожала плечами.

— Ничего страшного, Билли, все давно в прошлом. Отец считал, что так будет лучше для меня, Присцилла наверняка действует из подобных соображений. Каждому свое, тем более нам всем придется когда-нибудь расстаться с родными и близкими. Давайте-ка закончим со счетами и пойдем домой.

Вот уже год Мейси жила в особняке лорда и леди Комптон в Белгравии — самом престижном районе Лондона — на Ибери-плейс. Леди Роуэн нужен был надежный человек «из своих», чтобы присматривать за домом в ее отсутствие, вот она и попросила об услуге Мейси, которая стала независимой женщиной и владелицей сыскного агентства с тех пор, как ее учитель и бывший работодатель Морис Бланш ушел на покой. Теперь Мейси не ютилась с прислугой на чердаке — как в те дни, когда только переехала к Комптонам, — а обитала в элегантных апартаментах на третьем этаже. Сами Комптоны предпочитали жить в кентском загородном имении Челстоун, где отец Мейси служил конюхом. Считалось, что особняк в Белгравии сохраняют только для того, чтобы передать по наследству Джеймсу, сыну Комптонов, который вел коммерческие дела семьи в Канаде.

Большую часть времени Мейси проводила в доме одна, если не считать небольшого штата прислуги; затем в конце лета приезжала леди Роуэн — выступить в роли одной из самых гостеприимных хозяек Лондона. Однако расточительство прекратилось в прошлом году, когда леди Роуэн в порыве редкого среди аристократов сострадания воскликнула:

— Я не могу развлекаться, когда Англия голодает! Нет, лучше затянем пояса потуже и подумаем, как помочь стране выбраться из разрухи!

Вернувшись вечером на Ибери-плейс, Мейси подогнала свой «эм-джи» к конюшням за домом и
14 рядом со стареньким «ланчестером» сразу же

заметила «роллс-ройс» лорда Комптона и его шофера Джорджа, занятого беседой с Эриком, лакеем, который ухаживал за машинами, пока Джордж был в Кенте.

Шофер приложил руку к фуражке и открыл Мейси дверь автомобиля.

— Добрый вечер, мэм. Рад вас видеть.

— Джордж! Что ты здесь делаешь? Леди Роуэн приехала?

— Нет, мэм, только его милость, но ненадолго. У него деловая встреча, а потом он едет в клуб.

— Понятно. Встреча здесь?

— Да, мэм. И он просил вас зайти к нему в библиотеку, как вернетесь.

— Он хотел меня видеть? — удивилась Мейси. Иногда ей казалось, что лорд Комптон просто потворствовал желаниям супруги, когда та поддерживала Мейси в годы учебы. Впрочем, он всегда был приветлив с девушкой.

— Да, мэм. Он знает, что у вас планы на вечер, но, по его словам, разговор не займет много времени.

Мейси кивнула Джорджу и поблагодарила Эрика, который подошел протереть тряпкой и без того сверкающий «эм-джи». Вместо того чтобы, как обычно, войти через кухню, Мейси торопливо направилась к парадному входу, где дверь открыла Сандра, старшая из прислуги, пока Картер, дворецкий, был с хозяевами в Челстоуне.

— Добрый вечер, мэм. — Сандра по привычке сделала книксен, хотя знала, что Мейси ненавидит церемонии. — Его милость...

— Да, Джордж мне уже сказал.

Мейси отдала Сандре шляпу и пальто, портфель отдавать не стала. Бросила взгляд на приколотые к груди серебряные часики, которые леди Роуэн подарила ей в тысяча девятьсот шестнадцатом году, перед тем как Корпус медсестер послали во Францию. С тех пор эти часы стали талисманом Мейси.